

© 1996 г. Т.З. ЧЕРДАНЦЕВА

ИДИОМАТИКА И КУЛЬТУРА

(Постановка вопроса)

Фразеология любого языка — это ценнейшее лингвистическое наследие, в котором отражается видение мира, национальная культура, обычаи и верования, фантазия и история говорящего на нем народа.

Устойчивые стереотипические словосочетания и фразы часто представляют собой структуры, отражающие определенные периоды состояния и развития каждого конкретного языка, его историю. Жизнь этих языковых единиц в речи позволяет наблюдать формирование и рождение новых знаков, благодаря использованию собственных ресурсов, накопившихся в языке, а также проливает некоторый свет на роль символизации в процессе образования новых значений и даже новых слов.

Благодаря фразеологии, а особенно идиоматике, можно проникнуть в далекое прошлое не только языка, но и истории и культуры его носителей. Говоря о "прошлом", мы подразумеваем известный факт сохранения в составе фразеологии слов и словосочетаний, вышедших из употребления, и синтаксических структур, не встречающихся в современном свободном синтаксисе. Однако фразеология важна и для изучения процессов, происходящих в языке постоянно, сейчас. В данном случае речь идет о семантических процессах, связанных с развитием системы значений слов, рождением новых знаков и новых фразеологизмов, о процессах, способствующих проверке и совершенствованию нашей компетенции при изучении функционирования языка. Все это свидетельствует о важности и необходимости изучения этой части лексикона и наблюдения за всеми процессами, происходящими в нем.

В современной лингвистике в состав фразеологии включаются достаточно разные единицы, которые, однако, имеют ряд признаков, присущих только этим знакам. Они состоят из компонентов, утративших частично или полностью значение слов, лежащих в их основе, а значение их не складывается из суммы значений слов — компонентов их составляющих. Они устойчивы, т.е. имеют замкнутую структуру. Необходимо подчеркнуть, что фразеологическое значение отличается от лексического значения, но однажды возникнув, фразеологическое значение включается в систему и подчиняется тем же законам, что и значение слова.

В данной статье наше внимание будет сосредоточено главным образом на идиоматике, т.е. на той части фразеологии, где особенно часто проявляется полный отрыв слов-компонентов от их первоначального (словарного) значения [Добровольский 1990]. Исследуя идиоматику, мы пришли к выводу, что идиомы, да и все фразеологические единицы, вторичны по отношению к слову и, именно поэтому, в основе их лежит образная или комбинаторная мотивированность. Мотивированность этих знаков может быть как эксплицитной, так и имплицитной. Идиоматика более непосредственно соотносится с фольклорными текстами и, в силу этого, именно она более тесно связана с наивными представлениями о мире, национальной культурой, духовной жизнью и фантазией носителей языка.

Мотивированность фразеологических единиц тесно связана с понятием языкового символа. Ш. Балли в одном из своих мало известных в России исследований [Bally 1940] высказывает весьма интересные мысли, проливающие свет на эту проблему. Стремясь разъяснить и отчасти углубить идеи Ф. де Соссюра, изложенные в его теории языкового знака, и ответить на некоторые возражения критиков этой теории, Ш. Балли пишет, что несмотря на утверждения де Соссюра об отсутствии связи между означаемым и означающим до того момента, пока они не стали знаками, он признавал мотивированными такие слова, как *dix-neuf*, *petit-fils*, *vif-argent* и т.п. Что же касается причин, которые лежат в основе произвольности языковых знаков в теории Соссюра, то они, как считает Балли, связаны с почти неограниченным множеством возможностей соединения изолированных знаков друг с другом.

Ш. Балли между тем утверждает, что определенные связи между означаемым и означающим все же существуют, о чем говорят и примеры, приводимые Соссюром, хотя он и называл их только частично мотивированными. Будучи убежденным сторонником теории Соссюра о существовании двух типов знаков, Балли стремится внести разъяснения и добавления в эту теорию. По его мнению мотивированность может быть связана не только с означаемым, но и с означающим, хотя Соссюр не признавал возможности мотивированности по означающему. Ш. Балли объясняет это тем, что, занимаясь междометиями, основанными на ономатопеях, Соссюр, видимо ошибочно, считал их элементами, чуждыми языковой системе. Сам же Балли, напротив, считает возможным существование определенной символической связи между выражением лица говорящего (движениями мускулов, губ, челюсти) и его сообщением, обращенным к адресату. Он утверждает, что наши органы речи, хотим мы того, или нет, повторяют те же символические движения, что и наши руки, кисти рук и т.д. Мы раздвигаем руки, указывая на что-то большое, сжимаем их, желая указать на малый размер. Мы сильно открываем рот, желая произнести *vaste*, *large*, *grand* и т.п. (ср. "широкий", "обширный", "большой") мы вытягиваем губы, произнося *long*, *profond* (ср. "длинный", "глубокий").

Ш. Балли придает большое значение ударению, которое может способствовать приобретению символического или, иначе говоря, мотивированного значения: *Mais ttais-toi donc*; *C'est ssi amusant!* По мнению Балли, все бранные слова можно считать мотивированными, поскольку они произносятся обычно с сильным приступом. Эти идеи Балли о проявлении признаков мотивированности даже у отдельных слов при выражении экспрессии, не могут остаться незамеченными теми, кто занимается фразеологией. Совершенно справедливыми представляются и мысли Балли об особой роли интонации, которая в романских языках способна приобрести в речи синтаксически-обусловленный модалный характер даже в тех случаях, когда модалность не выражена никакими другими грамматическими средствами, однако, мотивирующий характер интонация приобретает только при актуализации устойчивых сочетаний типа: *Que voulez-vous!* (ср. Что поделаешь!). С этим положением Балли трудно не согласиться.

Мотивированность, по мнению Балли, может быть и имплицитной. В частности, она свойственна словам как бы содержащим синтагму: *jument* = "femelle de cheval" (ср. *жеребец* = "самец лошади, достигший половой зрелости"), а также таким словом как *blond*, *chatain*. На наш взгляд, весьма важно и то, что один из видов мотивированности Балли считает тропы.

Изложенные здесь мысли Балли в определенной мере созвучны некоторым взглядам Соссюра, содержащимся в его "Тетрадах", в частности, в заметках по поводу германского эпоса, опубликованных благодаря известному итальянскому лингвисту Авалле д'Арко Сильвио [Avalle 1972]. Ф. де Соссюр пишет о символах, возни-

кающих на основе мифов, сравнивая символ и языковой знак и проводя между ними аналогию:

— Каждый миф содержит символы, которые надо определить.

— Эти символы подвержены тем же перипетиям, что и все остальные знаки, например, такие знаки, как слова, все они подчиняются тем же законам.

— Они являются составной частью ономазиологии.

— Нет никаких данных ни за то, что символы должны оставаться неизменными, ни за то, что они должны изменяться. Вероятно, они могут варьироваться, оставаясь в определенных границах.

— Сущность символа не может оставаться неизменной и тотчас же после того, как он начинает употребляться, нельзя определить его сущность. Так символ ведет себя внутри мифа. Любкой персонаж мифа — символ, но он может меняться (может измениться его имя, его отношения с другими персонажами мифа, его характер, его поведение).

— Отличительная черта символа и языкового знака состоит в том, что оба они вынуждены использовать только те элементы, которые находятся рядом, а смысл может быть любой. Они соединяют эти элементы и извлекают из них новый смысл.

Далее Соссюр говорит о том, что символы не появляются по чьему-либо желанию, они являются результатом естественных ошибок при передаче содержания мифа. Символ, в отличие от языкового знака, нельзя выдумать, он не возникает вдруг. Как в мифе, так и в родственном ему предмете — языке, все перипетии мысли связаны с недостаточным пониманием того, о какой сущности идет речь. Если предмета не существует, а существует лишь слово, то мифологический персонаж или буква алфавита являются всего лишь разными формами знака в философском смысле этого слова.

Приведенные здесь высказывания Ф. де Соссюра о близости символа и языкового знака и о невозможности выдумать символ, т.е. произвольно его выбрать, позволяют, как нам представляется, сделать некоторые выводы, с учетом идей Ш. Балли о мотивированности языкового знака: символ всегда мотивирован; языковой символ может стать мотивацией синтагмы и, при определенных условиях, даже аффективно употребленного слова.

Учитывая, что идиомы представляют собой синтагмы, элементы которых обозначают обычно образную ситуацию и могут считаться означающим идиомы, можно сделать вывод, что идиомы мотивированы по означаемому.

Весьма близкую точку зрения высказывает В.Л. Чейф [Chafe 1971, 1977]. Он подчеркивает, что идиомы не имеют собственной прямой символизации, они используют символизацию других языковых знаков. Очевидно, что под символизацией Чейф подразумевает означающее идиомы, мотивирующее ее означаемое.

Размышления разных ученых о мотивированности вообще и о мотивированности идиом в частности, позволяют, как нам кажется, говорить о двух видах мотивированности: простой и комбинаторной, к которой относится и образная мотивированность [Черданцева 1977]. Под комбинаторной мотивированностью следует понимать такую комбинацию уже существующих в языке знаков, мотивированных и произвольных, которые, образуя синтагму, обладают способностью приобретать новый смысл, обозначая новую объективную реальность. Таким образом, комбинаторная мотивированность связана не только с семасиологией, но и с ономазиологией, именно последняя лежит в основе образования символьных языковых знаков, возникших в результате пересечения семантических и семасиологических процессов.

Комбинаторная мотивированность, в отличие от тропов, редко бывает прозрачной. Значение вновь образованного знака в известной мере может быть произвольным, оно зависит от того содержания, которое в него вкладывает тот носитель языка, кто первым или одним из первых пустил его в оборот. Важно еще и то, что новая единица языка может стать мотивирующей для других, новых знаков. При этом, определить ее связь с идиомой или другой фразеологической единицей становится несколько не

проще, чем определить этимологию того или иного слова. Отметим, что между мотивированностью и этимологией слова имеет место весьма существенная разница.

Определение этимологии, как известно, состоит в том, чтобы с помощью исторических розысканий, реконструкций и, наконец, интуиции определить этимон. Что касается просто мотивированности, то она может быть либо достаточно прозрачной, либо она может совпасть с этимологией, наконец, она может вообще отсутствовать. В тех же случаях, когда значение того или иного слова, зарегистрированного в словаре, не связано ни логически, ни образно с системой значений, приведенных в словарной статье, можно быть уверенными в том, что такое слово мотивировано. Его мотивированность можно скорее всего найти, анализируя комбинаторно-мотивированные знаки, а также фольклорные тексты разной протяженности. Подобного рода разыскания могут дать возможность сделать ряд "маленьких открытий", связанных с определением закономерностей выбора одного из членов синтагмы, который может превратиться в "пустую" форму, способную вобрать в себя новое содержание, или даже образовать новое слово. Так, например, итальянская идиома *essere il gallo della Checca* (букв. "быть петухом из Кекки") восходит к поговорке, которую приводит в своем словаре К. Лапуччи: *egli e' il gallo della Checca tutte vede e tutte becca* (букв. "он просто петух из Кекки": "ни одной не пропустит, каждую клонет"). Очевидно, что поговорка со временем редуцировалась до идиомы, сохранив ее значение: "обладать повышенной сексуальностью" (ср. "гоняться за каждой юбкой"). Дальнейшее развитие семантического процесса привело к появлению нового слова, рожденного на символической основе, *gallismo* со значением: "мужское тщеславие", "сексуальность".

ИДИОМАТИКА И НАИВНАЯ КАРТИНА МИРА

Рассмотрение идиом с компонентами, обозначающими неотторжимые части тела, позволяет констатировать, что в их основе нередко лежат жесты, мимика, телодвижения, связанные с реакциями человека на поведение других людей и на окружающий человека мир. Эти физические реакции несомненно сходны у людей, принадлежащих к разным языковым коллективам, в отличие от обычаев, ритуалов, символизации явлений природы и различных реалий, которые представляют собой факторы культуры, отраженной в языке. Вопрос о том, как реакции человеческого организма могут быть выражены словесно, зависит от носителей языка и, разумеется, от возможностей самого языка, а часто это может быть и случайным. В силу этого, при передаче физических реакций в ответ на поведение других людей, на различного рода стихийные явления и неадекватные ситуации, посредством речи, вербализованные ситуации очень часто фразеологизируются. Это происходит потому, что до тех пор пока описание той или иной ситуации не превратилось в знак, оно не может быть понято однозначно всеми членами языкового коллектива, не говоря уже о носителях другого языка. Переданное с помощью слов ощущение только тогда может стать понятным всем членам языкового коллектива, когда будет найдена такая формула, как идиома. Идиома способна передать ситуацию с помощью слов-компонентов, утративших связь со своими первичными означаемыми не только с помощью образа, но она как бы символизирует ситуации, которые могут быть выражены только с помощью синтагмы, превратившейся в языковой знак.

Рассмотрим несколько идиом, мотивированно связанных с внутренними реакциями человеческого организма, его отдельных органов, на события, имеющие непосредственное отношение к человеку, состояние самого человека, когда он оказывается в трудных или даже экстремальных ситуациях. Все знают, что когда ребенок болен, он может жаловаться на головку в то время, когда у него болит ушко, или на сердце, когда у него болит животик. Ребенок не знает, где у него расположены те или иные органы, но он, ощущая определенный внутренний дискомфорт, пытается его локализовать и верит в то, что говорит. Средний взрослый носитель языка

способен более точно передать свои ощущения локализации боли, тошноты и т.п. Однако, когда речь заходит о переживаниях, человек, рассказывая собеседнику об этих переживаниях, очень часто пользуется известными ему идиомами, в которых как раз отражается самое наивное представление об устройстве человеческого организма и о реакции его органов на соответствующие раздражители. Тем не менее, в данном случае для носителей языка не имеет значения истинность или ложность того, какой именно орган реагирует на внешние раздражители. Они пользуются идиомой как знаком, который может быть понят однозначно в языковом социуме, поскольку его цель состоит отнюдь не в том, чтобы локализовать то или иное ощущение, а косвенно передать истинные эмоции, вызвавшие какую-то реакцию в организме говорящих.

Сравнивая значения слов, обозначающих внутренние органы в нескольких наиболее известных итальянских диалектах: римском, миланском, неаполитанском, диалектах Калабрии и Кампании, мы прежде всего констатируем несовпадение объема протяженности значений, близких по звучанию и значению слов [Гак 1983]. Так, например, в римском диалекте слово *ciarvello* ("мозг") соответствует слову *cervello* в литературном итальянском. Однако для обозначения этого органа в римском диалекте есть и другие слова: *cranio*, *muscolo*, *fritto bianco*, с ними образуются следующие идиомы: *perde' er fritto bianco*; *da' da vorta ar muscolo*. Этим идиомам в литературном итальянском соответствуют идиомы, аналогичные по смыслу: *dar la volta al cervello*, *perdere il cervello* и ряд других. Слово *cranio* существует в итальянском и означает "череп". Слова *muscolo* и *fritto bianco* в итальянском означает, соответственно, "мускул", "мышца" и "жареное". Добавим, что такие слова как *muscolo* и *fritto bianco* в римском диалекте означает также "печень" и "желудок", а в переносном смысле и "храбрость". Слово *cranio* в римском диалекте означает также любой жизненно важный орган.

В неаполитанском диалекте итальянское слово *cervello* имеет несколько эквивалентов: *cellevriello*, *cerefisculo*, *cerviello*, однако идиом с этими словами неаполитанские словари не приводят. Словарь калабрийских диалектов Г. Рольфса фиксирует такие эквиваленты слова *cerviello*: *cerviellu*, *medulla*, *mijicocalu* и др. В миланском диалекте итальянскому *cervello* соответствуют три слова: *cervell*, *zinivei*, *scinivella*. Первые два представлены в идиомах миланского диалекта и имеют аналоги в итальянском языке: *Gli fa' schizzar le cervella*; *El g'a a' faa i zinivei (gli ha dato di volta il cervello* "он потерял разум"). В миланском диалекте имеются и другие идиомы со словом *cervell*: *avegh el cervell sora el capel* (итальянский эквивалент *avere il cervello sopra la berretta* "иметь мозг выше шапки", "быть рассеянным"); *Mett el cervell a partiv* (ит. *mettere la testa a partiva*, "смириться", "успокоиться"), букв. "поставить голову на место"); миланская идиома: *cervell de gatt o de polaster* (букв. "мозг кошки, курицы"), итальянский эквивалент: *avere un cervello di gallina, di acciuga*, букв. "иметь мозг курицы, анчоуса", значение — "иметь куриные мозги"). Наконец, *Vess alt de cervel* (букв. "иметь высокий мозг", ит. эквивалент: *avere la fronte alta*, букв. "иметь высокий лоб"). Очевидно, что слова, обозначающие мозг в диалектных идиомах, имеют в итальянских идиомах эквиваленты: "разум", "голова", "шапка", "лоб".

Слово *fegato* "печень" в неаполитанском диалекте звучит как *fecato*, *fecatiello*. Автор неаполитанского словаря отмечает, кроме прямого значения, символическое значение "храбрость", а уменьшительное и "нежность". В калабрийских диалектах имеется несколько слов для обозначения печени. Выделим одно: *ficatu*, оно имеет два значения — "печень откормленного животного" и заимствованное из греческого "храбрость". В миланском диалекте со словом *fidegh* "печень" имеется несколько идиом: *Avegh guat el fidegh* (букв. "иметь испорченную печень"); *scaldarse el fidegh* (букв. "разогреть себе печень", значение: "злиться, портить себе кровь"); *Vess dolz el fidegh* (букв. "иметь сладкую печень", значение: "быть добрым, сердечным"); *Aveghel in del fidegh un* (букв. "иметь кого-либо в печени", значение: "очень любить кого-

либо"): *Avegh el fidegh* (букв. "иметь печень", значение: "быть храбрым"). Отметим, что идиома со словом *печень* в значении: "быть храбрым" имеется во всех диалектах, рассмотренных нами.

В итальянском языке слово *fegato* "печень" встречается в ряде идиом: *Fegato santo* (букв. "святая печень", "смелый, отважный человек"); *di fegato* (бук. "с печенью", значение — "храбрый"); *Gettare il proprio fegato oltre un ostacolo* (букв. "выбросить печень туда, где есть препятствие", значение — "лезть на рожон"); (S) *Mangiarsi il fegato (un'ala di fegato ulu di cuore)* (букв. "ест свою печень (сердце)", значение "злиться"); *Marcirsi il fegato* (букв. "сгноить печень", значение — "исстрадаться"); *Sentirsi cuocere il fegato* (букв. "чувствовать, что собственная печень варится", значение — "кипятиться, испытывать крайнее раздражение); *Che mi sia fritto il fegato* (букв. "пусть у меня изжарится печень", ср. "пусть у меня язык отсохнет" и проч.).

Слово *fegato*, как мы видели, во всех диалектах используется в идиомах с присущим ему символическим значением "храбрость". В миланском диалекте со словом *печень* ассоциируется не только идея храбрости, но и такие качества как зависть с одной стороны, нежность и любовь с другой. В итальянском со словом *печень* оказались лишь те идиомы, где они ассоциируются с храбростью и злостью, последнее, очевидно, связано со свойствами поведения желчи в человеческом организме. Все добрые чувства в итальянском языке выражаются, в основном в идиомах, центральным компонентом которых являются такие слова, как *сердце* и *душа*.

Приведенный материал показывает, что итальянцы, говорящие на разных диалектах, имеют весьма близкое представление о мире, о чем свидетельствуют идиомы, различающиеся по компонентному составу, но весьма часто совпадающие по смыслу. Тем не менее, выбор стереотипа (малой или большой величины, локализации дискомфорта, ощущаемого внутренними органами в определенных ситуациях) не совпадает даже в этом случае. Совпадение стереотипа возможно, если слово-компонент идиомы представляет собой символичный языковой знак, каким является, например, слово *печень* в итальянском языке и в его диалектах. Этот факт, как нам представляется, свидетельствует о жизнеспособности фразеологии, с помощью которой становится возможной вербализация жестов, внутренних реакций организма в ответ на внешние события и поведение других людей, а также упорядочение стереотипов, что весьма важно для обеспечения коммуникативной функции языка.

Жесты или гримасы, отражающие определенные реакции людей, очень часто получают словесное выражение. Словесное выражение становится знаком, в составе которого используются слова-компоненты, лишённые, в большинстве случаев, своего собственного семного состава. С помощью этих слов-компонентов кодируется новый смысл и целое — идиома получает новое означаемое. Идиомы и все фразеологизмы такого рода обычно легко понимаются как носителями языка, так и взрослыми людьми, владеющими языком, как иностранным. Это объясняется тем, что, обладая жизненным опытом, они приблизительно могут догадаться, какие эмоции и чувства выражают те или иные жесты, но найти им правильный вербальный эквивалент они могут лишь в словаре. Приведем только один пример, русскому фразеологизму *бровью (глазом, ухом, усом, носом) не повел* в итальянском соответствует эквивалент: *non batter ciglio (palpebra)* (букв. "не моргнуть ресницей (веком)". В этих двух языках описание гримасы совпадает только отчасти, но дефиниция у них общая: "не прореагировать внешне на что-либо".

Реальный смысл идиом, отражающий так называемую "фразеологическую картину мир" [Роль... 1987], чрезвычайно разнообразен. Идиомы, как языковые знаки, обозначая лицо или предметы реального мира, аксиологически значимы: *голова садовая, сумасшедший дом, чучело гороховое, ни богу свечка, ни черту кочерга* и т.п. Царство идиом тесно связано с бытом, религиозными отправлениями, материальной и духовной национальной культурой, правилами общежития и обычаями языкового

социума. Однако попытки "разгадать" значение той или иной идиомы не могут быть успешными, если исходить только из логики познания, логического анализа формирования их значения.

Обогащение языка за счет собственных средств, благодаря заложенной в самой языковой системе способности творить новые знаки на основании уже существующих, было замечено многими учеными [Гумбольдт 1985; Florenski, 1989; Амосова 1964]. Особенно важно в этом плане не возводить барьеров между знаками разной природы и разных уровней. Исследования паремиологов и фразеологов показали, что фольклорные произведения, устные и письменные, как и авторские тексты, являются постоянным источником обогащения языка. Так, многочисленные пословицы и поговорки, возникающие чаще всего в недрах фольклора, порождают идиомы, которые, в свою очередь, становятся источниками возникновения новых слов, мотивированных на образной и символической основе в ходе когнитивной языковой деятельности членов языкового коллектива. Именно эта деятельность отражает определенный уровень и особенности материальной и духовной культуры, познание которой нам может дать изучение языка, говорящего на нем народа [Милюков 1993; Лакофф 1988; Alinei 1984].

Одним из примеров обогащения языка за счет собственных средств могут служить идиомы, восходящие к пословицам. В пословице, как известно, сохраняется логика высказывания, в идиоме ее чаще всего не бывает, при этом, идиома далеко не всегда сохраняет значение пословицы, а со временем значение идиомы может измениться в соответствии с семантическими законами языка. Мотивированность таких идиом хранится в памяти большинства носителей языка до тех пор, пока пословица не выходит из употребления. Таким образом, для того, чтобы связать значение идиомы с ее компонентным составом, необходимы этимологические разыскания. Однако, если идиома, восходящая к пословице, образно мотивирована, достаточно исследовать ее компонентный состав: как известно, образ формируется на основе первичных значений слов, которые входят в состав идиомы, и только затем эти слова переосмысляются, оставляя в образе свое значение.

Итак, приведем только несколько примеров итальянских идиом, восходящих к пословицам:

1. Пословица: *Quando non si può battere un cavallo si batte le sella* (букв. "когда нельзя бить лошадь — бьют седло") идиома: *battere la sella invece del cavallo* (вариант: *battere il basto invece dell'asino*) дефиниция: "срывать зло на ком-либо".

2. Пословица: *Sull'arena* (уст. вариант слова *rena*) *semina chi sue speranze pone in cuor di femmina* (букв. "тот сеет на песке, кто связывает свои надежды с сердцем женщины"). Идиома: *seminare sulla rena* (букв. "сеять на песке", дефиниция: "не добиться желаемого результата из-за неудачно выбранного места").

3. Пословица: *Non si può aver le viti legate con le salsicce* (букв. "нельзя виноградную лозу перевязывать колбасой") Идиома: *legare la vigna (le viti) con le salsicce* (букв. "перевязывать виноградник колбасой", дефиниция: "напрасно тратить средства, не достигая желаемого результата". Ср. *Овчинка выделки не стоит*).

4. Пословица: *È brutto navigar contro corrente* (букв. "плохо плыть против течения"). Идиома: *navigare contro corrente* (букв. "плыть против течения", дефиниция: "напрасно затрачивать усилия").

5. Пословица: *non essere né carne, né pesce come i ranocchi* (букв. "быть ни мясом, ни рыбой, как лягушки"); идиома: *né carne né pesce* (букв. "ни рыба, ни мясо", дефиниция: "ни то, ни се").

6. Пословица: *L'acqua cheta rovina i ponti* (букв. "тихая вода мосты разрушает") (ср. "в тихом омуте черти водятся"). Идиома: *(essere) un'acqua cheta* (букв. "быть тихой водой", эквивалент: "действовать исподтишка").

7. Пословица: *Tanto è ladro chi ruba che chi tiene il sacco* (букв. "и тот вор, кто крадет, и тот, кто мешок держит"); идиома: *reggere (tenere, parare) il sacco* (букв.

"держат мешок", идиома имеет два значения: "помогать вору"; "быть сообщником преступления").

8. Пословица: *Chi vuol fare l'altrui mestiere fa la zuppa nel panier* (букв. "кто хочет заниматься чужим ремеслом — тот варит суп в корзине"), (ср. "беда, коль пироги начнет печи сапожник, а сапоги тачать пирожник"); идиома: *fare la zuppa nel panier* (букв. "варить суп в корзине", дефиниция: "браться за дело негодными средствами").

9. Пословица: *L'aia non è luogo per i cani da caccia* (букв. "ток не место для охотничьих собак") идиома: *menare il can per l'aia* (букв. "гонять собаку по току", значение: "тянуть время; ходить вокруг да около").

10. Пословица: *Fare come l'asino che prima mangia e poi dà calci alla greppia* (букв. "делать как осел, который сначала поест, а потом ногой пинает кормушку") идиома: *dar calci alla greppia* (вариант: *dare il calcio dell'asino*) (букв. "пинать кормушку, дать пинок ослу" дефиниция: "быть неблагодарным").

11. Пословица: *La luna non cura l'abbaiare dei cani* (букв. "луна не обращает внимания на лай собак"), (ср. "собака лает — ветер носит"), идиома: *abbaiare alla luna* (букв. "лаять на луну") значение: "напрасно стараться".

В примере 1 в идиоме *battere la sella invece del cavallo* ни один компонент не связан с прежним означающим слова, лежащего в его основе. Значение "срывать зло на ком-либо" вытекает из приведенной поговорки, в которой смысл выражен иносказательно, но достаточно прозрачно, в то время как в идиоме он затемнен.

В примере 2 в идиоме *seminare sulla rena* мы наблюдаем ту же картину, однако смысл "зря стараться" может быть передан рядом идиом: *fare un buco nell'acqua* (букв. "делать дыру в воде"); *andare per acqua col vaglio* (букв. "пойти по воду с дуршлагом"); *insaccar (imbottar) nebbia* (букв. "собирать туман"); *pestare l'acqua nel mortaio* (букв. "толочь воду в ступе") и др. Список идиом с таким значением может быть продолжен. Хотелось бы заметить, что хотя смысл у этих идиом совпадает, их дефиниции содержат дополнительную информацию: делать дыру в воде, как и сеять на песке имеют дефиницию, уточняющую, что желаемый результат не может быть достигнут из-за неудачно выбранного места. Идиома *пойти по воду с дуршлагом* указывает, что желаемый результат недостижим из-за неудачно выбранного средства. Такие уточнения весьма существенны, поскольку они отражают свойственные языковому социуму стереотипы, а также позволяют, при переводе идиом с одного языка на другой, выбрать более точный эквивалент [Черданцева 1990].

В примере 5 в идиоме *non essere né cotto né crudo* смысл выражен довольно прозрачно, эта идиома имеет ряд синонимов: *essere come il pipistrello (mezzo topo e mezzo uccello)*, букв. "быть как летучая мышь" (наполовину мышь, наполовину птица). Как и в примере 2 здесь разные стереотипы, отражающие представление о мире говорящих на данном языке.

Из приведенных здесь примеров становится ясно, что поговорки являются наиболее доступным и ярким материалом, в котором в поэтической форме отражаются быт и нравы, отношения между людьми и отношение людей к миру, природе, религии, животным, поведение людей и многое другое. Однако следует подчеркнуть, что идиомы, не менее, чем поговорки, создают представление о той наивной картине мира, которая сложилась у носителей языка.

Семантика идиом всегда была в центре внимания фразеологов, однако в настоящее время появились новые подходы к проблеме толкования фразеологического значения, в том числе и связанные с возможностью подготовки машинного фонда русской фразеологии [Телия и др. 1991]. Это заставляет искать новые критерии и параметры наиболее точной передачи особенностей каждой зоны фразеологического значения идиом. Особенно интересны в этом плане идиомы, связанные с национальной материальной и духовной культурой, правилами общежития и обычаями языкового социума.

Связь между языком и культурой, говорящего на нем народа, широко известна. Когда же мы обращаемся к идиоматике, то прежде всего бросается в глаза особенность этих знаков: они рождаются в результате осмысления необходимости найти знаковое выражение для определенных событий, ощущений и ситуаций, которые тесно связаны с самим человеком, с поведением людей в обществе, с отношениями между людьми.

Таким образом, идиоматика, в отличие от слов, прямо отражает когнитивную деятельность членов языкового коллектива, основанную на наивном представлении о мире носителей языка, на их отношении друг к другу, к тому, что происходит с ними в этом мире. Однако, все это возможно только потому, что сама языковая система содержит механизм, обеспечивающий эту деятельность. Как уже было отмечено, немалую роль в непосредственном обогащении языка играют пословицы и поговорки, отражающие фантазию народа, его способность к образному мышлению и к обобщениям. Даже поверхностный взгляд на идиоматику в разных языках позволяет сделать вывод об общности многих "сюжетов", т.е., актов и ситуаций, нашедших свое выражение в идиомах, и о способности каждого языка найти только свои языковые средства для обозначения этих актов и ситуаций. Между тем, эти средства связаны не только с языком. Они тесно связаны с окружающим миром: природой, климатом, образом жизни. Связь между объективными условиями жизни и конкретными материальными, социальными и моральными сторонами этой жизни неизбежно находит свое выражение в языке и в частности в идиоматике. Благодаря своим особенностям эти знаки способны не только обозначить некую ситуацию, но содержат и оценку. Однако, передавая оценку, они, в отличие от кратких фольклорных текстов не содержат морали, как это свойственно, например, пословицам, а сближаются с оценочной лексикой. Это их свойство подтверждает их статус языкового знака.

В качестве примера сравним, как в языке отражаются некоторые представления его носителей о человеческих отношениях в разных языковых социумах. В русском языке в идиомах, связанных с отношениями детей и родителей, на первом месте оказывается мать, а в итальянском — отец: Маменькин сынок в русском имеет итальянский эквивалент *Figlio di papà* (букв. "папенькин сынок"). То же самое мы наблюдаем и в таком примере: *Babbo e mamma non campan sempre* (букв. "папа и мама не всегда будут живы").

Идиомы со словом *Бог* в итальянском языке свидетельствуют о гораздо большей роли религии в жизни итальянского народа по сравнению с русским. Бог в итальянских идиомах встречается, как правило, с положительной оценкой. Из пятидесяти фразеологизмов с этим словом в итальянско-русском фразеологическом словаре есть только один пример неуважительного отношения к Богу: *Per amor di Dio* (букв. "из любви к богу"), *Per amor di dio nessuno dà niente*, что означает: "за так (за спасибо) никто ничего не дает". Напротив, идиомы со словом *diavolo* ("черт, дьявол") весьма многочисленны, их значительно более ста. С дьяволом итальянский народ обращается вполне вольно. Так, наряду с фразеологизмами, где дьявол предстает как альтернатива добру, например, *Fuggire (Scappare) come il diavolo dall'acqua santa* (букв. "бежать, как черт от святой воды", ср. "как черт от ладана"), есть и такие идиомы: *povero diavolo* ("бедняга"), *buon diavolo* ("добрый малый"), *avere il diavolo dalla sua* (букв. "иметь дьявола на своей стороне — быть счастливым"). С дьяволом ассоциируются такие качества, как злость, неприятности, лицемерие, шум, беспорядок и проч. Следует отметить, что в Фразеологическом словаре русского языка под редакцией Молоткова приводится 19 фразеологизмов со словом *черт*, в то время как в итальянско-русском фразеологическом словаре приводится 119 итальянских единиц с этим словом.

Крестьянский труд, крестьяне в итальянском и русском языках с точки зрения психологической характеристики имеют общие черты: *Fine come la suola d'un contadino*

(букв. "тонкий, как подошва у крестьянина"); *discrezione dei contadini* (букв. "деликатность крестьянина", значение — "отсутствие деликатности"); *Fare come quel contadino che portò il cacio al padrone* (букв. "сделать, как тот крестьянин, который давал сыр хозяину", означает — "одной рукой давать, а другой забирать"); *contadini e montanini scarpe grosse cervelli fini* (букв. "у крестьян и у горцев сапоги грубые, а ум тонкий").

Управляющий имением предстает в итальянских идиомах и пословицах прежде всего как человек вороватый: *Più ladro del fattore maremmano* (букв. "еще больший вор, чем управляющий имением в Маремме". Маремма когда-то была наиболее глухой и лесистой частью Италии); *Fammi fattore un anno se sarò povero mio danno* (букв. "сделай меня управляющим имением на год, если я останусь бедняком — моя вина"); *Fattore nuovo tre di buono* (букв. "новый управляющий имением только три дня добрый").

Итальянский священник, впрочем, как и русский поп, часто становится мишенью для критики: *Fare come i preti che dicono sempre a me e mai agli altri* (*a me* — игра слов мне и аминь — *amen*; букв. "поступать как священники, которые всегда говорят мне и никогда другим"); Жадность отмечается и в другой фразеологической единице: *Date da vere al prete che il chierico (il sagrestano) ha sete* (букв. "дайте выпить священнику, у дякона жажда"). Священнику приписывается также любовь сладко поест: *Boccone (Bocconcino) da prete* (букв. "кусочек для священника", значение — "лакомый кусочек").

Известно, что в Италии издавна были популярными профессии врача и юриста. Однако идиоматика свидетельствует о том, что иногда квалификация врача вызывала сомнение. Например, *Medico dei miei stivali (dei miei corbelli, dell'acqua dolce)* (букв. "врач моих сапог, моих корзин, пресной воды", значение — "горе-врач"); *Medico, cura te stesso* (букв. "доктор, излечись сам"); *Medico giovine fa la gobba al cimitero* (букв. "из-за молодых врачей растут горбы на кладбище") и ряд других. Что касается юристов, то к ним относились более почтительно: *Parlare come un avvocato* (букв. "говорить как адвокат", значение — "говорить красиво").

ОТРАЖЕНИЕ В СЛОВАРЕ КУЛЬТУРНОЙ ИНФОРМАЦИИ, СОДЕРЖАЩЕЙСЯ В ИДИОМАХ

При работе над словарем часто возникает вопрос, следует ли записывать информацию, которую могут дать идиомы, в связи с отражением в них культуры быта и общения, иерархий ценностей и человеческих отношений. Ответ на этот вопрос не может быть однозначным, так как он зависит от объема словаря и от того, для кого он предназначен, кто будет им пользоваться. Однако разработка такого параметра представляет несомненный интерес, поскольку эти сведения могут не только расширить представления пользователя об идиоматике того или иного языка, но и внести определенный вклад в изучение цивилизации и культуры народов, отраженной в языке. Одним из вариантов отражения во фразеологическом словаре культурного компонента может служить введение этой информации в макет словарной статьи, предложенный разработчиками автоматического толково-идеографического словаря идиом (АТИСИ) под руководством В.Н. Телия [Телия и др. 1991].

Как нам представляется, основная информация, связанная с культурным компонентом значения, содержится во внутренней форме идиомы [Гак 1988] и тесно связана с параметром денотации [Телия 1991]. Понятие внутренней формы, введенное А.А. Потемной [Потемня 1892], получило затем свое развитие в конце двадцатых и в тридцатых годах нашего века в работах филологов, занимавшихся поэтической речью [Ларин 1927; Винокур 1990]. Работа Г.О. Винокура была написана в тридцатые годы, но впервые опубликована после его смерти, только в 1990 году. Винокур писал: «Основная особенность поэтического языка как особой языковой функции как раз в

том и заключается, что это "более широкое" или "более далекое" содержание не имеет своей собственной раздельной звуковой формы, а пользуется вместо нее формой другого, более буквально понимаемого содержания. Таким образом формой здесь служит содержание. Одно содержание, выражающееся в звуковой форме, служит формой другого содержания, не имеющего особого звукового выражения. Вот почему такую форму часто называют внутренней формой» [Винокур 1990: 143]. Шапир в комментариях к цитированной книге Г.О. Винокура пишет: "... внутренняя форма есть отношение трех одновременно актуальных семиотических систем: денотативной (прямое значение), коннотативной (поэтическое значение) и метаязыковой (рефлективное значение)" [Винокур 1990: 327].

Разумеется, не все фразеологизмы, особенно находящиеся на переломе истории, обладают мотивированной внутренней формой и не всякая внутренняя форма позволяет делать выводы об отдельных особенностях материальной или духовной культуры того или иного языкового коллектива. Однако анализ информации, содержащейся как на более абстрактном, так и на конкретном уровне, помогает понять наивное представление о мире народа, говорящего на данном языке, и некоторые черты его национального характера.

Рассмотрим достаточно широко известные в русском языке идиомы с дефиницией "умереть" 1) *закрывать глаза (навеки)*; 2) *уснуть вечным сном*; 3) *уйти в мир иной*; 4) *уйти на тот свет*; 5) *приказать долго жить*; 6) *откинуть копыта*; 7) *сыграть в ящик*; 8) *дать дуба*; 9) *протянуть ноги*; 10) *отправиться кормить червей* и др. Все перечисленные идиомы дают некоторое культурно-национальное представление о смерти и об отношении к ней в различных кругах русского социума. Идиома 1, 6, 9 указывают на внешние признаки смерти, но маркированно-стилистически. Сам факт употребления слова *копыта* указывает на неуважение к покойному со стороны говорящего. Примеры 3 и 4 свидетельствуют о наивной вере в загробную жизнь или о знакомстве с христианской доктриной. Примеры 2 и 5 основаны на эвфемизмах [Galli de' Paratesi 1969]. Пример 5, кроме того, имеет определенную социально-стилистическую окраску. Примеры 7, 8 и 9 маркированы стилистически, они несут стилистическую помету "груб." и указывают на равнодушное или даже недоброжелательное отношение к покойному со стороны говорящего. Что касается последнего примера (10), то здесь еще есть упоминание о погребении в землю.

Если сравнить русские идиомы с дефиницией "умереть" с итальянскими с той же дефиницией, то, наряду с некоторым сходством представления о смерти у этих двух языковых коллективов, мы обнаружим информацию, относящуюся только к носителям итальянского языка. Например, *pagare l'obolo a Caronte* (букв. "заплатить дань Харону"); *andare a quel paese* или *andare a (al) casa del diavolo* (букв. "отправиться в ту самую страну или туда, где дьявол живет"). Приведенные идиомы свидетельствуют о знакомстве с Библией, а также о достаточно фамильярных отношениях с дьяволом. Разумеется, приведенные примеры это лишь намек на возможные разыскания в этой области [Черданцева 1988а].

Рассмотрим довольно интересные примеры итальянских идиом с общей дефиницией: подходит один к другому: 1) *essere (capitare, venire) come il cacio sui maccheroni* (букв. "быть как сыр к макаронам"); 2) *cascar l'olive nel paniere* (букв. "оливки сами прыгают в корзину"); 3) *essere come il culo e la sedia* (букв. "быть как зад и стул"); 4) *essere la scarpa per il proprio piede* (букв. "быть туфлем, подходящим к ноге"). Приведенные идиомы дают нам довольно любопытную информацию о выборе стереотипов, о любимых блюдах и т.п. Очевидно, что искать русские эквиваленты следует с помощью общей для любых языков дефиниции, поскольку приведенные здесь идиомы отражают культурно-национальную специфику, которая очень редко может совпасть в разных языках.

Идиомы, основанные на сравнении человека с животным не так часто совпадают в разных языках, как это может показаться на первый взгляд. Приведем только

примеры итальянских идиом со словом *asino* осел, который в русском языковом коллективе воспринимается как символ глупости и упрямства: 1) *far conto cheagli asino* (букв. "обращать внимание на крик осла", дефиниция: "обращать внимание на мелочи, на ничего незначащие вещи" (идиома восходит к пословице: *Il raglio dell' asino non arriva al cielo*, букв. "крик осла не слышат на небе"); 2) *Essere l'asina di Balaam* (букв. "Валаамова ослица", источник — Библия, символ упрямства, сохраняется во многих языках с этим значением); 3) *Lavare la testa all' asino* (букв. "мыть голову ослу", дефиниция — "не достигнуть желаемого результата", она является общей и для другой идиомы: *dere la biada all' asino*, букв. "кормить осла овсом"); 4) *Fare come l' asino che porta vino e beve l' acqua* (букв. "вести себя как осел, который везет вино, а пьет воду", дефиниция: "заботиться больше о других, чем о себе"); 5) *cercare l' asino e esserci sopra* (букв. "искать осла, сидя на нем", дефиниция — "быть рассеянным"); 6) *Dare il calcio dell' asino* ("дать пинок осла", дефиниция — "быть неблагодарным"); 7) *Disputare dell' ombra dell' asino* (букв. "спорить о тени осла", дефиниция — "спорить о пустяках"; 8) *Essere come l' asino alla lira* (букв. "вести себя как осел, слушающий игру на лире", дефиниция — "не понимать в искусстве". Идиома восходит к басне Федра); 9) *Essere come il trotto dell' asino* (букв. "быть как галоп осла", дефиниция — "быть недолговечным"); 10) *Arare col bue e coll' asino* (букв. "пахать и на быке и на осле", дефиниция — "любить всех женщин подряд, быть похотливым"). Прежде всего отметим, что даже несколько приведенных примеров указывают на доскональное знание повадок осла и его характера носителями итальянского языка. Образ осла и его сходство с человеком дополняется цитациями из Библии и из басен. Кроме того, осел почти во всех идиомах предстает как животное ничтожное и сравнение с ним человеку обидно. Осел упрям (пример 2), нерешителен (пример 3), слишком покорен (пример 5) и даже подл (пример 6). Похотливость человека также косвенно связывается с ослом (пример 10). В русском языке сравнений человека с ослом немного, да и они подчас заимствованы из других языков, что несомненно объясняется месторазвитием (термин Милюкова) и климатом.

Приведенные примеры показывают, что внутренняя форма идиомы, которая весьма часто совпадает с суммой значений слов, превратившихся в компоненты идиомы, лежит в основе образа, а, следовательно, и образной мотивированности; возможно они недостаточно убедительны. Однако наличие таких сведений, в большем или меньшем объеме, может представлять интерес для выяснения языковой картины мира и ее видение народом, говорящим на этом языке. Исследованный материал наглядно показывает, что универсальность в идиоматике выражается через дефиницию (дискриптор), особенность, индивидуальность и, конкретно, выбор стереотипов — через образную внутреннюю форму. При этом, и то, и другое полностью, или частично, находит свое отражение в понятии культурная информация*.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Амосова Н.Н. 1963 — Основы английской фразеологии. Л., 1963.
 Винокур Г.О. 1990 — Филологические исследования. М., 1990.
 Гак В.Г. 1988 — Фразеология, образность и культура // Советская лексикография, М., 1988.
 Гак В.Г. 1983 — Сравнительная типология французского и русского языков. М., 1983.
 Гезель Г. 1970 — Кто мыслит абстрактно? // Работы разных лет. М., 1970.
 Добровольский Д.О. 1990 — Типология идиом // Фразеология в машинном фонде русского языка. М., 1990.
 Ларин П.Н. 1927 — Семантические этюды. О лирике как разновидности художественной речи // Русская речь. Новая серия. Вып. 1. Л., 1927.
 Милюков П.Н. 1993 — Очерки по истории русской культуры. Т. I. М., 1993.
 Потебня А.А. 1982 — Мысль и язык. Харьков, 1982.
 Роль... 1987 — Роль человеческого фактора в языке. Язык и картина мира. М., 1987.

*Работа выполнена при поддержке гранта OSI/RSS.

- Телия В.Н. 1990 — Семантика идиом в функционально-параметрическом отображении // Фразеогрфия в машинном фонде русского языка. М., 1990.
- Телия В.Н. 1991 — Макет словарной статьи для автоматизированного толково-идеографического словаря идиом (АТИСИ): технология и идеология // Макет словарной статьи для автоматизированного толково-идеографического словаря русских фразеологизмов. Образцы словарных статей. М., 1991.
- Черданцева Т. З. 1977 — Язык и его образы. М., 1977.
- Черданцева Т. З. 1988 — Метафора и символ во фразеологических единицах // Метафора в языке и тексте. М., 1988.
- Черданцева Т. З. 1988а — Внутренняя форма идиом и национально-культурная специфика их мотивированности (сопоставительный аспект описания) // Лексикографическая разработка фразеологизмов для словарей различных типов и для машинного фонда русского языка. М., 1988.
- Черданцева Т. З. 1990 — Прагматика и семантика идиом // *Res Philologica*. Фразеологические исследования. М., 1990.
- Alinei V. 1984. *Dal totemismo al cristianesimo popolare. Sviluppi semantici dei dialetti italiani ed europei*. Torino, 1984.
- Avalle D'Arco S. 1940 — "Note sulle leggende germaniche" raccolte da Avalle d'Arco Silvio. Torino, 1972.
- Bally Ch. 1940 — Sur la motivation des signes linguistiques // *Bulletin de la Société de linguistique de Paris*. T. 41, Fas. 1, 21. P., 1940.
- Chafe W.L. 1971 — *Meaning and the structure of language*. The University of Chicago Press. Chicago; London, 1971.
- Florenskiy Pavel A. 1989 — *Attualità della parola. La lingua tra scienza e mito*. Milano, 1989.
- Galli de' Paratesi N. 1969 — *Le brutte parole. Semantica dell'eufemismo*. Milano, 1969.
- Halliday M.A.K. 1987 — *Il linguaggio come semiotica sociale. Un'interpretazione sociale del linguaggio e del significato*. Bologna, 1987.
- Lacoff G., Jonson M. 1985 — *Les métaphores dans la vie quotidienne*. P., 1985.
- Saussure F. 1988 — *Le leggende germaniche. Scritti scelti e annotati a cura di Anna Marinetti e Marcello Meli*. Firenze, 1988.

ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКИЕ ИСТОЧНИКИ

- Толковый словарь русского языка / Под ред. проф. Д.Н. Ушакова. М., 1957—1951. Т. 1—4.
- Фразеологический словарь русского языка / Под ред. А.И. Молоткова. М., 1967.
- Черданцева Т.З. Рецкер Я.И., Зорько Г.В. *Итальянско-русский фразеологический словарь*. М., 1982.
- Arrighi C. *Dizionario milanese italiano col repertorio italiano milanese*. Milano, 1970.
- Diadori P. *Senza parole. 100 gesti degli italiani*. Roma, 1990.
- Giusti G. *Raccolta di proverbi toscani*. Firenze, 1853.
- Lapucci C. *Dizionario dei modi di dire della lingua italiana*. Firenze, 1990.